

Lm 132

СВѢТЪ ХРІТОВЪ ПРОСВѢЩАЕТЪ ВСѢХЪ.

BRUNNEN
-4- 109 2-
1. 9

mc: 57242

A. Y

Американскій Православный Вѣстникъ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ
МОСКОВСКАЯ
ПЕЧАТЬ

„Russian Orthodox American Messenger”

Подписка цѣна на годъ: Русское изданіе «Амер. Прав. Вѣстникъ» (24 выпуска) — 2 дол. (4 рубля); Англ. приб. Протоколовъ (12 выпусковъ) 1 дол. 50 цент. (3 рубля); Русское Изданіе и Приложенія — 3 дол. (6 рублей).

Terms of annual Subscription: Russian Edition — [Issued semi-monthly] \$2.00; English Supplements — [Issued monthly] \$1.50; Russian Edition and Supplements — \$3.00. Rev. A. Hotovitzky, Publisher, 15 E. 97th St. N. Y. City

— Entered at the Post Office as Second Class Mail Matter. —

Vol. XIII. — No. 9, NEW YORK MAY 14 1909 г

Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Владыкою Платономъ Бруклинскаго и Бронзвильскаго приходовъ и освященіе въ Бруклинской церкви новаго иконостаса.

Описаніе архіерейскаго посѣщенія, — какъ это скучно! скажетъ-быть можетъ кто н. пль непринужденныхъ къ нашей мисіи читателей „Вѣстника“. Вѣдь можно написать одинъ общій шаблонъ архіерейскихъ посѣщеній, а потомъ только названія приходовъ вставить, такъ однообразны и, если хотите, безжизненны эти посѣщенія.

Конечно, соглашаемся мы, если только архіерей „пришелъ, увидѣлъ и... побѣдилъ“, т. е. не зажечь релігіознаго воодушевленія въ своихъ, но разбудить любви къ православію въ чужихъ, и если можетъ что свѣтъ сказать о своемъ посѣщеніи, такъ только одно: „я видѣвшій и свидѣтельствова и истинно свидѣтельство его“.

Но у насъ не такъ. Приходы миссиі это не есть просто-такъ окаменѣвшее отъ давности и потому не такъ сильно подвергающееся вліянію враждебныхъ православію силъ. Наши приходы все новыѣ (не старше 18 лѣтъ); ни одно еще поколѣніе юной Америкъ. Притомъ, держа не сошло въ могилу. Прихожане наши точно „вода мимотекущая“ и по своимъ постояннымъ передвиженіямъ съ одного мѣста на другое въ поискахъ за работой, и по своей устойчивости въ православіи; корабль церковный все время носится по бушующимъ волнамъ, дремать ни минуты нельзя. И кому то, какъ не Главному нашему Кормчему-Высокопреосвященнѣйшему Владыкѣ? И Онъ, благодареніе Богу, дѣйствительно не спитъ и твердо править рулемъ. Съ нимъ мы беззащитны! И конечно-пріѣздъ Такова Архіерея, это дѣло событіе для прихода, и тѣмъ болѣе для такого, который духовно рожденъ цаніемъ Владыкой и взлелѣанъ, о которомъ Архипастырское сердце болѣлъ—изыскивалъ матеріальныя средства для его существованія, и который и морально поддерживалъ могучей десницей нашего Владыки.

А такихъ вѣдь приходовъ въ нашей миссиі имѣется болѣе 30, — совершенно достаточно для прославленія имени Владыки между людьми на всю Его жизнь.

И къ числу этихъ Платоновскихъ приходовъ принадлежатъ Бруклинскій и Бронзвильскій, находящіеся въ отдаленнѣйшихъ частяхъ безмѣрно громаднаго Владычняго кафедральнаго града Нью-Йорка.

Эти два прихода одни изъ первыхъ, появившихся въ первые мѣсяцы начавшейся благословенной Платоновской эры. Большинство прихожанъ и Бруклинскихъ и Бронзвильскихъ перебывали на пріемѣ у Владыки, который вникаетъ въ самыя малѣйшія подробности приходской жизни

всѣхъ вообще приходовъ, а тѣмъ болѣе и волею естественно близки Его Архипастырскому сердцу имѣ открытые приходы. Но посетилъ Владыка эти два прихода, 10 мая ст. ст. только въ первый разъ. И этотъ пріѣздъ Владыки былъ прямо таки триумфальнымъ шествіемъ по столько побѣдителя, сколько любимаго и любимого Отца, которому благоговѣюще дѣти устроили такой торжественный пріемъ, что любовь ихъ къ нему воочию всѣхъ какъ бы черезъ край лилась и—конечно—утѣшила Архипастырское сердце, а и въ насъ—слушавшихъ Владыку укрѣпила надежду на твердость и непоколебимость православія въ Америкѣ.

Когда Владыка, на автомобиль подѣхалъ къ Вилліамбургскому мосту въ Бруклинъ, Его уже ожидало множество людей,—а то члены 4 братствъ бруклинскихъ въ полной парадной формѣ съ національными русскими и американскими флагами. Они то и составили почетный конвой, проводившій Владыку къ самой же церкви, у которой какъ мудрыя Евангельскія дѣвы болѣе сотни братицъ съ зажженными свѣчами ожидали грядущаго Владыку, а у порога церковнаго староста по русскому обычаю поднесъ Владыкѣ хлѣбъ-соль и въ безхитростныхъ, но (вѣримъ) отъ самаго сердца дывущихъ словахъ привѣтствовалъ Архипастыря.

Потомъ во время вѣстрѣчи благочинный Нью-Йоркаго округа (онъ же настоятель церкви и первый организаторъ Бруклинскаго прихода) о. Теофанъ Букетовъ, съ свойственнымъ ему воодушевленіемъ сказалъ прекрасную привѣтственную рѣчь, послѣ которой, по совершеніи малаго водоосвященія, Архипастырское совершилъ окропленіе храма и новоустроеннаго очень художественно сдѣланнаго дубоваго иконостаса, украшеннаго прекрасною живописью русскаго художника С. Соколова (кони съ извѣстныхъ Васнецовскихъ

школь).

Началась литургия, которую изволяли совершить Владыка Плитонъ въ сослуженіи о. О. Букетова и ключаря кно. собора о. И. Зотикова при діаконыхъ о. И. Дакно и М. Перхачъ за литургіей рукоположеннаго во іерей—миссіонера въ Канаду.

Хоръ, составившійся изъ Галицк. русскихъ пѣвчихъ подъ управленіемъ „диаконучителя“ О. Антонова, стройно и благоговѣнно исполнилъ церк. пѣнопѣнія галицкаго расѣва, а пѣчто было и изъ русскихъ духовныхъ композицій.

По Евангеліи о. О. Букетовъ — іерей Божій несомнѣнно съ огонькомъ въ душѣ — прекрасно проповѣдывалъ; а во время причастія выступилъ съ словомъ Джерикитскій священникъ.

Народъ со вниманіемъ слушалъ глаголы живота вѣчнаго. Но, конечно, какъ оно и слѣдуетъ быть, лучше всѣхъ проповѣдывалъ самъ Владыка, выбравшій предметомъ слова историч. тему о главныхъ борцахъ св. Руси изъ Галицкаго народа о книгѣ Данила Галицкомъ, о Иванѣ Плуновичѣ, а наиболѣе ярко отгѣшилъ Владыка огненно-ревностною дѣятельностью недивно въ Божѣ почившаго Батюки Американск. Прав. Руси — горько оплакиваемого всѣми нами незабвеннаго о. прот. А. Г. Товта.

Народъ съ горящими глазами и полураскрытыми устами съ жадностью ловилъ слова Архиепископа, а при упоминаніи имени нашего (безвременно по человѣч. соображеніямъ) смертью похищеннаго о. протоіерей Алексея Товта, слезы великой скорби и печали точно алмазинки заблестѣли на глазахъ безъ исключенія у всѣхъ богомольцевъ.

Вотъ раздается торжественно-печальное пѣніе вѣчной памяти „р. б. прот. Алексею“, а потомъ многолѣтне живущимъ труженникамъ Прав. церкви. П до 600 народа въ чинномъ порядкѣ подходятъ къ

Владыкѣ за полученіемъ благословенія и крестниковъ, восторжьи Владыка щедро одаряетъ богомольцевъ во всѣхъ приходяхъ во время своихъ посѣщеній.

$\frac{1}{2}$ дня. Архиепископъ, превозмогая утомленіе, спускается въ школу, гдѣ почти буйвильно повторяется евангельская картина. Дѣти гурбой и безъ велвой боляни окружаютъ Владыку, который сердечно бесѣдуетъ съ ними, экзакменуется по свниц. исторіи, ласково улыбается.

Сюда же пришло и много народа, ищущаго возможности близко подобти — такъ сказать прикоснуться къ Архиепископу првемотрѣться въ нему, получше запечатлѣть въ умѣ это (но выраженію покойнаго о. Товта) „милое, доброе, прекрасное лице“ (см. „Свѣтъ“ за 4 Ок. 1908 г.)

— Владыка! пора бы подурѣнитъ трапезой. Все готово! оемѣливаемой деликатно замѣнить мы.

Куда тамъ! Давши духовную пищу другимъ, Архиепископъ забываетъ о себѣ!

Наконецъ мы въ домѣ гостепріимнаго и добрѣшаго собрата о. О. Букетова. Обильная трапеза; сердечный пріемъ. Посидѣлъ бы отдохнулъ. Но нѣтъ! Нельзя! Владыкѣ еще предстоитъ утѣшить малое стадо коренныхъ правосл. русскихъ людей изъ Россіи.

Вдемъ. По дорогѣ непріятное, силовъ и ридомъ въ Америкѣ случающееся, приключеніе, — автомобиль не желаетъ двигаться впередъ. Мотормэвъ кричитъ суетится. Владыка съ улыбкой машетъ рукой: „Вотъ те и Америка. Усовершенствованными экипажи! Еще запоздаемъ. А народъ вѣдь ждетъ“.

О. о. О. Букетовъ и И. Зотиковъ то тинуть то сзади толкаютъ „Америк. машину. Пополамъ съ бѣдой прѣзжаемъ въ Бронзиль. И здѣсь народъ съ зажженными свѣчами, и здѣсь радостныя лица, и здѣсь жажда слова наученія, поддержки

и утѣшенія. И Владыка паниъ с п л о н ѣ
дать это слово, и даетъ его.

Завѣдующій приходомъ импринтѣишій
о. Іером. Инна, любимецъ бронзильцевъ,
говорить привѣтствіе, потомъ служить ве-
черню, Владыка выступаетъ съ крестомъ
и милостиво слушаетъ второе привѣтствіе
уже отъ прихожанина г. Шимко. Потомъ
проповѣдуетъ самъ Архипастырь. И грѣ-
шетъ Его слово, и свѣтитъ и возбуждаетъ
духъ къ новымъ подвигамъ на пользу
православія.

Прихожане, какъ любящіи дѣти окру-
жаютъ Владыку, распрашиваютъ про царя,
Думу, теперешнее положеніе Россіи.

Архипастырь, видно сильно утомле-
нный, съ замѣчательнымъ терпѣніемъ отвѣ-
чаетъ на все вопросы, на минутку захо-
дитъ къ о. Ингѣ, наготовившему „грозъ
угощеніе“—фрукты, сласти и орѣхи, и по-
томъ намѣревается ѣхать домой. Но одинъ
изъ спутниковъ дерзаетъ напомнить, что
сегодня Гоголевскій вечерокъ, и паниъ Бла-
гостиѣишій Владыка, чтобы не огорчить
устроителей вечера, заходить и туда бук-
вально на пять минутъ.

Едва къ 10 ч. Архипастырь возвра-
щается домой.

1 ч. ночи. Все спитъ. Но у Владыки
свѣтитъ огонекъ. Архипастырь бодрству-
етъ. Дѣло не ждетъ. Не хватаетъ дня,
такъ нужно и у ночи позаниматься нѣ-
сколько часовъ... И это не въ первый разъ!

Очевидецъ.

Наши друзья (!)

Что враги наши—ушаты и украино-
маны въ своихъ газетахъ (и ихъ имѣется
цѣлыхъ 7) въ ложномъ свѣтѣ представ-
ляютъ дѣятельность миссіи, нагло клеве-
щутъ и ругаютъ духовенство, — это въ по-
рядкѣ вещей. Ложью, обманомъ и клеве-
тою они только и могутъ хоть на нѣко-

торое время удержатъ при себѣ народъ.
И мы болѣе или менѣе уже привыкли къ
этому. Но если своей да противъ насъ же
выступаютъ—переносить это очень тя-
жело, въ особенности, если это нападеніе
идеть отъ высшихъ сферъ, такъ или иначе
прикосновенныхъ къ нашей миссіи.

И къ сожалѣнію, эти нападки не толь-
ко были а еще и нѣсколько разъ повто-
рились. Напр., въ „Церк. Вѣдом.“, на
основаніи какихъ то очень сомнительныхъ
извѣстій утверждалось, что бискупъ Ор-
тинскій чуть ли не самъ одинъ правосла-
вную миссію увеличиваетъ своею безтак-
тностью, а православное духовенство будто
бы въ этомъ совершенно неповинно.

Тоже извѣстіе, но на основаніи дру-
гихъ какихъ то источниковъ, появилось въ
„Колоколѣ“ и „СПВ. Вѣдомостяхъ“.

Между тѣмъ все „заслуга“ Ортинска-
го въ томъ только состоитъ, что онъ при-
везъ съ собой папскую буллу, запрещаю-
щую униатскимъ священникамъ таинство
мвропомазанія и узаконяющую неже-
тыхъ священниковъ, иначе сказать: Ор-
тинскій дѣломъ подтвердилъ 18 лѣтнюю
и постоянную проповѣдь нашей миссіи,
что наша стремится къ полному олатъ-
щенію униатовъ.

Но не будь въ Америкѣ въ насто-
ящее время огненноревностного и энергич-
ного Владыки Платона, не трудись наше
духовенство, ничего бы и не вышло.

Въ этомъ и состоитъ заслуга прав.
миссіи, что она на вѣчахъ, митингахъ
черезъ газету „Свѣтъ“, „Поступь“, — а глав-
нымъ образомъ— благодаря миссіонерскимъ
поѣздкамъ Владыки, его огненнымъ, въ
корнѣ унию убивающимъ, но пренепо-
леннымъ любви и снисхожденію къ за-
блуждающимъ, проповѣдаямъ, разбудила
униатское енище царство,—
эту вообще инертную массу, устранила
ее указаніемъ бездны, въ которую паниъ
намѣревается столкнуть русскій народъ, и

привела ихъ ко св. правосл. церкви.

Это громадная ошибка — думать, что епископъ Ортинскій совершенно никуда не годный человекъ. Онъ — иезуитъ, фашистъ, прекрасно знаетъ свой народъ и умѣетъ играть на струнахъ народной души, онъ, какъ и всѣ вообще Василіане, обладаетъ даромъ „механич. слезъ“; можетъ на всякомъ мѣстѣ и во всякое время плакать, а это страшно дѣйствуетъ на народъ. Нельзя отрицать въ немъ и проповѣдническаго таланта.

Что касается помощниковъ Ортинскаго — это все люди съ высшимъ образованіемъ, какъ и ихъ епископъ „заблудые и ажурные“, т. е. не предъ чѣмъ не останавливающіеся, почти всѣ хорошіе проповѣдники. Къ тому же ихъ и множество есть!

Наша миссія предъ нами, — все равно, что Давидъ предъ Голиафомъ. И если мы побѣждаемъ такъ это потому, что нашъ Вождь Владыка Платонъ воспламеняетъ насъ и самъ безбоязненно идетъ въ бой и насъ, ведетъ. Дальше на нашей сторонѣ и догматическая и историческая правда. Мы въ этомъ глубоко убѣждены, и въ этомъ даже ни на секунду не сомнѣваемся. Мы глубоко вѣримъ, что мы обязаны побѣдить, что рано или поздно, а увѣн должны печануть.

Потому то ъ побѣждаемъ.

Но очень и очень недешево достаются намъ эти побѣды. Прежде всего, сколько моральныхъ оплеваній, заушевій и біеній каждый изъ насъ переноситъ! И въ газетахъ травятъ насъ, и на улицахъ преслѣдуютъ, и своихъ агентовъ посылаютъ, чтобы производили бунты въ нашихъ приходахъ. А на такъ изываемыхъ вѣчахъ каждый правосл. священникъ подвергается опасности быть побитымъ.

А бывали и такіе случаи, что наши миссіонеры и побой принимали!

И, по званію редактора „Свѣта“, за-

нимаю такъ сказать обосудительный пунктъ, въ миссіонерской работѣ почти непричастенъ. Но я прекрасно знаю труды и подвиги своихъ собратьевъ, искренно преклоняюсь предъ ними, и конечно, болью душою, когда люди, совершенно незнанные съ дѣйствительностью нашей жизни, съ высоты птичьего полета разсматриваютъ ее сверху и чрезъ разпространенныя изданія знакомятъ ее своими взглядами всю Россію. А во сколько же разъ больше читать подобныя несправедливыя статьи самимъ труженникамъ миссіи! Трудятся они, терпятъ матеріальный ущербъ, а здѣсь вмѣсто того, чтобы поддержать ихъ сочувственнымъ отзывомъ, на нихъ все равно, что плюютъ!

Развѣ не тяжело?!

Развѣ не грѣшно такъ писать — оскорбить работниковъ нашей миссіи и тѣмъ увеличить и безъ того уже многочисленныя правдивыя страданія?!

О, еслибы нашъ скромный голосъ дошелъ до сердца если не „сильныхъ міра сего“, то хоть сильныхъ въ газетномъ мірѣ, и чтобы они хоть нѣсколько словъ на нашей запискѣ перепечатали въ защиту духовенства С. Американской Православной миссіи.

А. Н.

Два торжества

въ Вилькесбаррской православной церкви

Апрѣль 1903 года.

12 уже лѣтъ гремѣло въ Америкѣ имя о. протоіерея Товта, этого мужественнаго борца за св. православіе, совѣтника Архимандритовъ, учителя миссіонеровъ, кумира вѣрниковъ нашей церкви.

Возлѣ этого имени уже образовались легенды, слово о. Товта пользовалось непререкаемымъ авторитетомъ. Со всѣхъ

концевъ Америки къ нему обращались за совѣтомъ, руководствомъ. И хотя о. Товтъ, за исключеніемъ очень кратковременнаго благочиствованія, не занималъ никакой должности, все миссіонеры считали своимъ священнымъ долгомъ представлять о. протоіерею.

Въ Апрель же 1903 годъ исполнилось 25 лѣтіе священства о. протоіерея, и тотъ миссія, во главѣ съ Преосвященнымъ Владыкой Тихономъ, воспользовалась случаемъ чтобы публично засвидѣтельствовать свои чувства удивленія и глубокаго уваженія предъ замѣчательною, въ полномъ смыслѣ слова историческою личностью о. протоіерея Тонга. Устроили юбилей.

Вотъ расчувствовавшийся—со слезами на глазахъ—величественный, въ полномъ смыслѣ слова красавецъ, о. Товтъ съ какъ бы серебряной головою приближается къ Архипастырю, а тотъ вѣнчаетъ митрой эту главу, еще раньше украшенную терновымъ вѣнкомъ самоотверженной миссіонерской жизни. Какое то особенное чувство наполняетъ сердца участвовавшихъ въ Богослуженіи іереевъ. И на ихъ глазахъ показываются слезы.

Вотъ въ концѣ богослуженія о. протоіерей А. Хотовицкій читаетъ о. Товту привѣтственный адресъ:

„Вы, какъ мужественный воинъ Христовъ, первый дерзновенно порвали связь съ лживой уніей, свергли ея позорное ярмо, и вмѣстѣ съ собою привели въ ограду православія свою паству!.. Сколько тяготы, скорбей, лишений пришлось вывести Вамъ въ то время! При какихъ трудностяхъ и страданіяхъ пришлось Вамъ прокладывать новый путь благовѣстія правды тѣмъ переселенцамъ стараго края, коихъ тамъ держала въ духовной темнотѣ и ослѣвленіи политика Рима? Злобные голоса недоброжелателей Вашего дѣланія не умолкаютъ съ тѣхъ поръ, возвращая позоръ на главу ихъ же самихъ и въ ве-

заслуженныхъ обидахъ создавая Вамъ вѣнецъ похвалы.

Многіе изъ насъ—очевидцы той драмы, какую пришлось Вамъ пережить по прояскамъ противной православію партіи, посетившей прежде всего на самое дорогое для Васъ и паствы Вашей, — въ храмъ Вашъ... Не тайна для насъ,—какою скорбью болѣло сердце Ваше, когда, не пытаясь все, что подсказала Вамъ пастырская опытность и любовь, Вы разстались съ своимъ старымъ молитвеннымъ домомъ. Господь далъ—Господь взялъ...

Но Господь и возвратилъ сторицею, вдохнувъ въ Васъ пламень еще большей ревности и подвигнувъ паству Вашу на новое славное дѣланіе: въ самое короткое время засѣлъ на мѣстѣ Вашего пастырства новый храмъ, благолѣпнѣйшій, радующій взоры наши и въ сію минуту. И помните ли въ жизни своей что либо еще отраднѣйшее, чѣмъ духовный восторгъ, который объялъ существо каждаго члена Вашей приходской семьи въ тотъ моментъ, когда подъ сводами новаго храма раздавалась первая радостная могучая пѣнь, пѣнь побѣды Свѣта надъ тьмою—„Христосъ воскресъ“!...

Потомъ подносятся отъ ду-ва кресты съ украшениями.

Наконецъ, привѣтствуютъ своего „Ватъка“ прихожане. Сотни писемъ и телеграммъ.

Точно лучи исходили отъ лица сего избранника Божія, когда онъ, въ отвѣтъ на привѣтствія, перекрестился и сказалъ: „Слава Богу. Теперь я уже могу спокойно умереть. Православіе такъ твердо стоитъ теперь въ Америкѣ, что никакія козни враговъ не въ состояніи уничтожить его“!...

Прошло 6 лѣтъ...

Опять я въ ВБаррекой церкви. Опять поютъ „Христосъ воскресъ“. 12 іереевъ явились сюда, и опять таки о. Товтъ при-

звиль ихъ къ себѣ. Опять здѣсь торжество въ честь славнаго миссіонера. Но уввы! печальное.

Каптажъ, окруженный тропическими растеніями, и гробъ съ тѣлѣнными останками того, кто первый зажечь свѣточъ православія въ Америкѣ, кто положилъ первый камень въ Божье зданіе Американской Православной церкви.

Въ храмѣ плачь и рыданія. Поэмъ подробная ибени рабу Божию протоіерею Алексію, — крупнейшей исторической личности, самому славному сыну несчастной Австрійской Руси, — равному, а б. м. и превосходящему незабвеннаго о. Ивана Паумовича.

Провожаемъ въ вѣчность того, благодаря апоплектическимъ трудамъ котораго появилась цѣлая помѣстная Правосл. церковь, и изъ устъ певельно срываются слова ронота: „Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ такъ преждевременно Господь забралъ его!“ Но громко звучащая побѣдоносная ибень „Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ“... даетъ отвѣтъ на этотъ ронотъ:

„Не оживеть еще не умереть... Могла о. Товта—это чудесный источникъ живительной влаги, которая будетъ давать силу будущимъ поколѣніямъ Американской Православной Руси!“

Пройдетъ время. Потускнѣютъ или и совѣмъ забудутся подробности его личной жизни, совершенно исчезнетъ челоѣческое. Но за то останется божественное. Все ярче и ярче будетъ разгораться та св. искра, которую Господь вложилъ въ душу о. Товта, — эта искра будетъ зажигать души другихъ миссіонеровъ, которые высшей образецъ своего дѣланія на нивѣ Христовой въ Америкѣ имѣютъ въ лицѣ незабвеннаго о. Товта. И пока Господу угодно будетъ сохранить св. православіе въ Америкѣ, до тѣхъ поръ въ роды родовъ будетъ переходить благословенное имя о. протоіерея Алексія Товта,

какъ положительного первый камень въ фундаментъ Америк. Прав. Церкви.

Ститъ А. Пезоловский.

Первая конвенція Русскаго Эмигрантскаго Общества

Первая конвенція! — Но это не собраніе людей для бесѣды, быть можетъ, и крикнвыхъ, но безплодныхъ, не для фантазій, пусть и заманчивыхъ, но пустыхъ, наконецъ, и не для выработки плановъ, которые когда то имѣютъ осуществиться!

Высокопресвященнѣйшимъ Владыкой съ великими успѣхами уже взрыхлена — подготовлена почва. И въ нее посажены могучій ростокъ древа благосѣлнственнаго, подъ которымъ будутъ находить пріютъ отъ вара дневнаго, отъ стужи ночной и отъ глады душевного и тѣлеснаго несчастные сыны и могучей Россіи и стоящей подъ чужеземнымъ вгомъ Австрійской Руси, — все наши же родные братья, вольной волей или неволей — по необходимости прибывшіе искать счастья въ новомъ свѣтѣ.

Тенерь нужно о томъ заботиться, чтобы этотъ ростокъ не зитлохъ, не завялъ, а возросъ бы въ великое дерево, нужно посоѣтоваться, какъ поливать и ухаживать за нимъ.

И собралось этихъ совѣтннковъ — сыновъ Американской Руси больше 50-ти.

Предсѣдатель Об—ва Взаимопомощи о. В. Турковичъ, съ благословенія Владыки, открываетъ конвенцію молитвой и предложеніемъ выбрать предсѣдателя и секретаря конвенціи.

Большинствомъ голосовъ самъ о. Венедиктъ наименовывается предсѣдателемъ, а о. І. Слюнцъ секретаремъ.

Взволнованнымъ, отъ слезъ перелывающимъ голосомъ, говоритъ новонабранный

председатель конвенціи о чутъ что поносеиной цѣлой Американской Православной Русью великой утратѣ—смерти о. протоіерея А. Товта, который былъ основателемъ цѣлой Америк. Прав. церкви, корнемъ Америк. Прав. Руси.

Заблестѣли слезы на глазахъ и у всѣхъ присутствующихъ и величественное „Со святыми упокой“ огласило конвенціонную залу.

Потомъ о. Венидиктъ веноминаетъ заслуги Владыки въ дѣлѣ основанья Эмигр. Об-ва. Онъ иниціаторъ этой великой идеи, Онъ и исполнитель ея. И единодушное „многая лѣта“ нашему Возлюбленнѣйшему Архипастырю гремятъ въ отвѣтъ на эти слова, которые—кажется—просидѣли на устахъ каждого изъ насъ.

Въ самомъ дѣлѣ, уже около 30 лѣтъ—какъ началась въ Америку эмиграція русскихъ людей; съ первыхъ же дней чувствовалась острая нужда въ эмигр. домѣ. Много говорилось о немъ, украинцы даже деньги на него собирали. И все это, и бесѣды, и деньги исчезло какъ дымъ, а дома не было, пока Высокопреосвященный Владыка Платонъ быстрымъ и энергичнымъ патискомъ не побѣдилъ вся препятствія и не создалъ этого дома...

Завѣдующій о. Корчивскій читаетъ отчетъ, изъ котораго видно, что за 5 мѣсяцевъ въ домѣ побывало больше 1500 человекъ изъ Россіи и Австріи; было вѣсколько грековъ, осетинцевъ; даль наши домъ пріютъ полякамъ и словакамъ.

Такъ какъ „Уставъ Эмигр. Об-ва“ только что отпечатанъ и еще не было возможности провѣрить, насколько онъ соотвѣтствуетъ потребностямъ Об-ва, то, согласно мнѣнію о. председателя, конвенція постановила оставить его еще на годъ безъ всякихъ видоизмѣненій.

Наступившіе велѣды за этимъ выборы чиновниковъ Об-ва дали такой результатъ: председателемъ Об-ва по большинству го-

лосовъ оказался выбранный каедр. протоіерей о. А. Хотовицкій, а вице-председателемъ (и вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдующимъ домомъ) о. Іаковъ Корчивскій, т. е. оставлены тѣ лица, которыхъ временно назначилъ Высокопреосвящен. Владыка Платонъ.

Въ секретари же поимъ Г. П. Черевинъ, давній труженникъ миссіи въ качествѣ несломника-учителя.

Конвенція кончилась. А наше дѣло, отцы и братія, только что начинается. Поддержимъ же его всеми силами! Не посрамимъ русскаго имени. Не отдадимъ св. дѣло на посмѣяніе враговъ. Со многими неприятностями приходится намъ встрѣчаться на каждомъ шагу, тѣмъ болѣе эти неприятности ожидаютъ насъ въ этомъ великомъ дѣлѣ. Но... долой великіе страхи! Съ знаменемъ креста и словами и сердцемъ, исполненнымъ любви, впередъ. И мы непременно побѣдимъ!

Къ годичному собранію Русскаго Эмиграціоннаго Общества.

... „Я былъ бы глубоко опечаленъ, если бы Эмиграціонный домъ—это святое, исключительно филантропическое, но въ то же время и практически необходимое для русскихъ людей, сіяло не нашло себѣ отзыва въ сердцахъ русскихъ людей и должной поддержки въ русской средѣ“

Архіепископъ ПЛАТОНЪ.

Еще только нашъ Эмиграціонный домъ сталъ подыматься на ноги, еще это слабое дѣтище нашего благодѣянаго Владыки только, только стало пацупывать твердое подвоежіе ногъ своихъ, какъ сразу же поднялось шипѣніе испидовъ и шенлисковъ.

Я говорю о томъ, какъ встрѣчено бы-

ло начало русскаго эмиграціоннаго дѣла дѣйствіемъ русской прессы.

Одни, какъ „Русскій голосъ въ Америкѣ“, прехвостно жидовскаго мнѣнія, по инкурпациямъ сообщеніямъ неистово умолчали о великомъ, безпартийномъ дѣлѣ; будто бы они не видятъ, что дѣло чистой филантропіи не должно имѣть никакихъ партийныхъ дѣлений; будто бы имъ неизвѣстно, что профессіональншія этника всего міра безусловно и жестоко осуждаютъ интеллигентнаго работника за смѣшеніе плоскостей партийной дисциплины и чистой филантропіи, будто бы они сами не были свидѣтелями безбожной эксплуатаціи темныхъ неграмотныхъ русскыхъ эмигрантовъ и эмигрантокъ всякими шарлатанами изъ жидовъ ли то, или изъ кого другого; будто бы ихъ же редакціи не осаждаютъ ежедневно всечестными изголоманниченіями, измученными физически и духовно русскими или другими эмигрантами, просящими не партийной политики, а хлѣба, кусокъ черстваго хлѣба.

Другіе, какъ „Свобода“, (какъ жалко мнѣ этихъ другихъ!) банкроты ума и совѣсти, расплачиваясь со своимъ довѣрителемъ, темнымъ русско—галиційскимъ народомъ, по цѣнту за долларъ, дьявольски издѣваются надъ этимъ своимъ долготерпѣливымъ довѣрителемъ, напередъ учитывая полное его разореніе, нищету, позоръ. Эти аспиды мало того, что умолчали о русскомъ Эмиграцѣскомъ домѣ, они всякими неправдами и при всякомъ случаѣ разбиваютъ или стараются разбить дѣло Эмиграціоннаго Об-ва.

Такимъ образомъ, изъ многихъ званныхъ, къ которымъ былъ обращенъ кличъ нашего Владыки, избранными должны были оказаться все тѣже вѣрники Его—пастыри и пасомые.

И краткій отчетъ о дѣлахъ Эмигр. Об-ва, помѣщенный въ позанрошломъ „Вѣстникѣ“, показываетъ, что хлонское сердце,

хлонская душа не оскудѣла еще человѣческимъ милосердіемъ, что талантъ нечернаемаго милосердія, данный Богомъ, человѣку, даетъ еще свои обильные, свѣтлые ростки на почвѣ чистой, дѣйствительной души православнаго рабочаго люда; что ему, этому темному, но частому сердцемъ русскому мужичку, а не маленькимъ душонкамъ отъ „Свободы“ „Русскаго Голоса“ и пр., заплывшимъ въ сокахъ этого мужичка, дано своимъ чистымъ сердечнымъ окомъ позрѣвать въ табушки трагедій міровыхъ падховъ, въ безбрежность человѣческихъ страданій.

Со всѣхъ силъ хочется сказать нашему Дорогому Владыкѣ: „Владыка! съ симъ побѣдишь, ибо съ этимъ добрымъ русскимъ православнымъ сердцемъ Ты непобѣдимъ; въ томъ порукой тебѣ—вѣра, чистота и простота этого народа. Много вѣры, живой, дѣйствительной вѣры хранится еще въ недрахъ народнаго русскаго духа, неизмѣрима глубина этой вѣры, не исчерпать ее мелкой мѣрой нелицитакующаго вѣкраіпа—напанизма, не ослабитъ ее мечущимся въ своей безсильной злобѣ непризнаннымъ шкѣмъ комополитамъ отъ обрѣзаныхъ!

На первомъ собраніи Эмигр. Об-ва присутствовало 13 священниковъ; почти всѣ священники миссіи внесли по 3 и больше долларовъ—стали дѣйствит. членами Общества. Значитъ дух-во сочувствуетъ эмигр. об-ву. Слава Богу. Но этимъ трехдолларовымъ сочувствіемъ ограничиться нельзя. Мы—пастыри должны не только воспринять, но и осуществить пожеланія нашего Архипастыря во всей полнотѣ—должны оживить эти пожеланія, эти надежды Владыки своимъ живымъ духомъ и провести ихъ въ жизнь Америкѣ, Русев.

Скажемъ же нашему Владыкѣ, что мы знаемъ, какія обязанности возлагаетъ на насъ идея Эмигр. Об-ва, дадимъ ему твердое, крѣпкое слово поднять на себя весь

тотъ тяжелый, кропотливый трудъ, всю ту черную работу, какую благоудво будетъ Владыкѣ возложить на насъ; увѣримъ Владыку, что приставленные къ самому маленькому винтику общей машины, мы смѣло будемъ править его въ указанную плесей машины сторону съ полнымъ сознаниемъ, что мы дѣлаемъ то и именно, что требуется и что дѣло наше великое есть.

Свят. І. Чепелевъ.

На крестномъ пути.

(Нѣсколько словъ о жизни русско-прав. дух-во въ С. Америкѣ).

Торжества и торжества! Ихъ только мы и описывали, а въ Россіи протрутъ эти описанія и, будучи увѣрены, что мы и въ Америкѣ такіе же громадные деньги получаемъ, какъ и все вообще заграничное духовенство, съ завистью скажутъ: „вотъ такъ широкое житье! Денежки зягребай, ничего не дѣлай, а такъ для разнообразія торжество устрой.“ А между тѣмъ священникъ на какомъ н. порядочномъ сельскомъ приходѣ въ Россіи, по сравненію съ нашимъ миссіонеромъ, это все равно, что губернаторъ.

Не смотря на то, что православныхъ русскихъ людей въ Америкѣ насчитываются тысячи, и доселѣ во многихъ городахъ рискуемъ чуть ли не на каждомъ шагу подвергнуться нападевію уличныхъ мальчишекъ—больше всего увіатовъ которые тебѣ болотомъ, камешками забрасываютъ, а о ругнѣ самыми отвратительными нечестными словами уже и говорить нечего! Силошь и радомъ терпимъ ее.

А между своими словесными овцами сколько приходится неприятностей и огорченій вытерпѣть, а нерѣдко и пощипать! Такъ называемые „боссы“ (кулаки приходскіе, еще свѣнѣе, чѣмъ въ Россіи воро-

чаютъ всеми дѣлами прихода; священникъ долженъ уважаться — иреспособляться, если только желаетъ, чтобы въ его приходѣ миръ былъ. Но и это рѣдко помогаетъ, ибо какойнибудь проходимецъ (въ которыхъ никогда недостатка не бываетъ) можетъ повидимому безъ всякой причины сдѣлать, какъ говорится, „пекло“ въ приходѣ, — перевернуть все верхъ дномъ, — дѣло весьма легкое между простодушными и правыми русскими. И тогда пиши: пропалъ, нѣскольколѣтняя работа и любовь прихожанъ идутъ на смарку. И священникъ долженъ сѣшнить поскорѣе уйти на другой приходъ, чтобы его формально не выгнали.

Но что всего тяжелѣе — матеріальное обезпеченіе духовенства въ этой странѣ золота не то, что не блестящее, а прямо таки бѣдственное. Конечно „дѣла слава солнцу и ина слава лунѣ“... Уравнять всѣхъ въ жалованьи невозможно, ибо если челоуѣкъ съ первыхъ мѣсяцевъ пріѣзда получалъ извѣстное жалованье, то будетъ ли справедливымъ урѣзать отъ него послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы?! Если іерей въ Россіи ѣхалъ на извѣстное опредѣленное жалованье, то какъ можно урѣзать? Быть можетъ на такое урѣзаніе онъ и не поѣхалъ бы!

Но изыскать средства, чтобы повысить жалованье многимъ страждущимъ братьямъ—крайне необходимо. И это, какъ достоверно мнѣ извѣстно, составляетъ предметъ особенныхъ заботъ и печали нашего Архипастыря, такъ какъ получаемое изъ Россіи пособіе на миссію давно уже распредѣлено съ аптекарской точностью, а приходы наши еще не такъ твердо стоятъ, что бы въ состояніи самимъ содержать священника.

„Гдѣ взять? вотъ мучительный вопросъ, который мнѣ не даетъ покоя ни днемъ ни ночью,“ говорили мнѣ не разъладыки.

А жить гдѣ то непремѣнно нужно, ибо многіе отцы іерей прямо нищенствуютъ.

Можно съ увѣренностью сказать, что многіе прихожане живутъ лучше своихъ о.о. пастырей. Матуски и дѣти куда хуже одѣваются, чѣмъ жены и дѣти русиновъ — чернорабочихъ. Рѣдко у которой матуски служанка есть, въ большинствѣ случаевъ сами матуски и варятъ и стираютъ, даже и швы мочутъ. Швы — конечно — помогаютъ батюшкамъ.

Живутъ многіе іерей прямо такъ пирогагоды. Не всегда обѣды имѣютъ, а больше колбасой да чаемъ пробаваются.

Оно то — конечно — „не единымъ хлѣбомъ жить будетъ человекъ“, но... если жена и дѣти оборваны и полуголодны, да къ тому и на будущее мало надежды, то почти грѣшно и требовать отъ іерея вностольской ревности и горевья духовнаго.

— Знаете, отче, нужно для народа стараться, не лѣниться! Народъ вымогаетъ, чтобы трудился для него! величественно на дняхъ изрекалъ мнѣ одинъ униатскій священникъ имѣющій въ мѣсяць около 300 долл. дохода.

— Да! да! кому угодно дайте такую сумму, то ояъ будетъ душу въ дѣло Божье вкладывать, а не размышлять и тосковать надъ мучительными и никакъ неразрѣшимымъ вопросомъ: что дѣлать?!

У Высокопреосвященнаго Владыки Платона имѣется такой проектъ — убѣдить всѣхъ въриковъ прав. церкви, чтобы каждый изъ нихъ согласился платить ежемесячно по 1 долл. на миссію. И такимъ способомъ собраныхъ денегъ, — по печисленію Владыки, совершенно хватитъ для того, чтобы не только выдавать жалованье священникамъ и псаломщикамъ во всѣхъ приходяхъ миссіи, но и обезпечить наше духовенство до того, что оно не будетъ нуждаться въ побочныхъ доходахъ, — бу-

детъ всѣтребы совершать бесплатно.

Проведеніе этого проекта въ жизнь, пусть даже и съ сильными пертурбаціями въ некоторыхъ приходахъ (скрытымъ недовольствомъ, ропотомъ, бунтомъ, даже отпаденіями) авлется не только могучимъ средствомъ къ ея дальвѣйшему процвѣтанію, но и единственнѣйшимъ спасеніемъ.

Дальше же жить дух-ду, какъ доселѣ, уже никакъ нельзя!

Н.

Страстные дни.

Онѣмѣлые члены отходятъ. И отходя, сладостно поютъ. Такъ поютъ, что дохо-чень до слезъ...

Гаетъ и дымка разсѣяности, окутывающая сознаніе въ минуты крайней усталости, и картинны страстныхъ дней, воспринятая сквозь все въ какомъ-то микроскопическомъ видѣ, проясняются и растутъ. И снова отъ нихъ вѣетъ сѣжестью вчерашняго дня.

Вотъ почти непрерывная, безконечная служба съ покаянными возгласами, воздѣланіями рукъ и колѣнопреклоненіями. Изнуренный ими, ты оторвался отъ молитвы и широко открытыми глазами смотришь предъ собой, но ничего, уже не различаешь, кромѣ волнь биміма, проливаныхъ яркими лучами весенняго солнца.

— Ахъ, да, вѣдь это — невечерній свѣтъ, свѣтъ вѣчности! — приходитъ тебѣ почему то на умъ, и ты начинаешь этому вѣрить. Потому тебѣ чудится, что и ты уже ветушилъ въ полюсу этой монотонной вѣчности въ ризахъ, тяжести которыхъ уже не чувствуешь, и со свсей ектевией, тянешь ее деревяннымъ глосомъ, какъ слѣпой при дорогѣ, и будешь тянуть безконечно, такъ какъ уже не будетъ для тебя смѣны дней и почей, они остались

гдѣ-то далеко позади, а, стало-быть, не будетъ и отдыха...

Чувство подобное тому, какое ты не разъ испытывалъ въ лѣные, осенніе дни на тихихъ городскихъ кладбищахъ, подъ густыми до мрачности деревьями, среди бѣлыхъ надгробныхъ памятниковъ,—вдругъ охватываетъ тебя, и ты открываешь, что невечерній свѣтъ—это, въ сущности, свѣтъ безчувственности, свѣтъ мертвыхъ.

Въ небольшой промежутокъ между службами бредешь домой, но зачѣмъ—и самъ не поймешь. Только не ѣсть и не отдохнуть, такъ какъ давно уже не чувствуешь своего тѣла съ его алчнымъ желудкомъ.

Кругомъ многэтажные, кирпичные дома, какъ-будто озаренные кровавымъ заходящимъ солнцемъ, по тротуарамъ движутся люди, словно безмысленные и безчувственные манекены, заведенные и управляемые всевышнимъ долларомъ, а по мостовой-то трамваи, полные народы и ежеминутно звонящіе, то блестящіе автомобили и экипажи на резиновыхъ шинахъ и потому лишь шипящіе, то тяжелые возы, запряженные, могучими, но неуклюжими битюгами.

Вся эта панорама жизни, со всеми ея звуками тутъ, вокругъ тебя, а между тѣмъ кажется тебѣ очень далекой: люди, возы, и даже гигантскіе дома до смѣшного микроскопичными, а разнообразные и могучіе звуки—слабыми и несными, какъ гулъ отдаленнаго, взволнованнаго моря...

Такъ, съ ослабленіемъ, посредствомъ молитвы и поста, тѣла, а черезъ тѣло и связей души съ этимъ міромъ, все въ мірѣ странно уменьшается въ своемъ объемѣ и въ силѣ своего воздействия на душу человека...

Тихо... Лучи багровѣютъ и гаснутъ... Ощить храмъ, и въ его полумракѣ за-

мерло что-то черное, но живое. Это—пароды. Опъ внизу, подлѣ аналой, но приблизить ся къ аналою ему стоило странной борьбы съ самимъ собою, и эта борьба нанурила его. А грѣхи, пропущенные волею изъ подъ затхлаго спуда на поверхность сознания и въ его яркомъ освѣщеніи показавшіеся еще болѣе отвратительными, заставили его оцѣнить отъ ужаса.

Вотъ и великій моментъ соприкосновенія съ душой пародной, съ ея сокровенными тайниками, безконечной, какъ вѣчность. Сначала съ замираніемъ сердца выслушиваешь, съ жаромъ увѣщаешь. Но жаръ быстро стываетъ, и вотъ, при каждомъ новомъ признаніи кающагося, начинаешь испуганно вздрагивать, словно уже не ты его, а онъ тебя исповѣдуетъ и снопми грѣхами, словно зарницами, освѣщаетъ темные и грязные уголки твоей души... Еще мгновение—и вотъ чувствуешь, какъ тѣло твое деревенеетъ, а духъ изнемогаетъ. До тебя еще доносятся изъ-подъ эпитрахила глубокіе вздохи и глухія рыданія, но лица и даже фигуры ты уже не различаешь, словно ихъ и нѣтъ, и словно ты сейчасъ бесѣдовалъ не съ людьми, но съ душами, прозрачныя тѣни которыхъ колеблются предъ тобою на освѣщенной огаркомъ церковной свѣчѣ, ты продолжаешь читать разрѣшительную молитву и освѣять крестнымъ знаменіемъ поначкшія головы покаившихся, но языкъ и руки еле слушаютъ тебя и до того отяжелѣли, что ощущаются тобою, какъ чужіе...

Совеѣмъ темно... Только и мигаетъ, догорая, огарокъ сбоку.

Въ ожиданіи слѣдующаго замешкающагося исповѣдника забылся ты, и вотъ чудится тебѣ, что своды храма куда-то исчезли и надъ тобою уже ночное, закутанное мрачными тучами, небо съ яркой полоской зари вдали, а прямо на тебя несетъ широкая, непоцрренная сверху радужными маслами и отбросами рѣка. Не-

приятно тебѣ и взмахами руки ты сно-
вишь верхній ея слой въ сторону и, обря-
дованный, снова видишь ее вокругъ себя
кристально-чистой и глубину ея свѣти-
цей отъ зарю, а себя-омытымъ ею...
Таковы, вѣроятно и великіе плоды духов-
наго общенія іерей съ его прихожанами
въ святомъ таинствѣ покаянія.

Все настойчивѣе и соблазнительнѣе
становится мечта объ отдыхѣ. Скоро ли
опь, въ самомъ дѣлѣ? Манипально взгля-
нулъ черезъ голову удаляющагося непо-
вѣдника и какъ увидѣлъ, что тогда вичуть
не уменьшилась, одна лишь уступила мѣсто
другимъ, такъ все въ тебѣ и разошлось.
Сознаніе, напряженное до крайности, слов-
но лопнуло и разлилось внутри какою-то
массой, отъ которой на мигъ глазамъ ста-
ло больно, а лбу — щекоотливо. И снова ты
очутился въ пространствѣ и времени,
въ сознаніи своей жизни, лишь съ ея
омутнымъ, но сладостнымъ ощущеніемъ.
Сладостнымъ до того, что когда положили
ему коверъ, неожиданно громко заявить,
что неповѣдниковъ больше нѣтъ, то ты
такъ затосковалъ по немъ, словно утра-
тилъ въ немъ на вѣки свое счастье.

Почь короткая, безъ сновидѣній... А
съ разсвѣтомъ снова служеніе, а послѣ
служенія бѣшеный объѣздъ окрестностей
поѣздомъ и трамваями. Снова усталъ и
еле замѣчаешь прихожанъ, подстерегаю-
щихъ тебя на уличныхъ перекресткахъ
изъ опасенія, чтобы по забывчивости ты
не прошелъ мимо и не оставилъ ихъ безъ
освященной „наски“.

Уже около полуночи — и съ улицы
видно, какъ церковь ярко, но — нахаль-
ному освѣщена, а еще цѣлый участокъ
вокругъ нея не обойденъ. Правда, квар-
тира отъ квартиры близко, но много ихъ
и всѣ онѣ въ темныхъ кварталахъ и сое-
динены темными, кривыми проходами или
крутыми и высокими, въ нѣсколько эта-

жей, лѣствядами. Пока идешь, то еще какъ
будто ничего: только дышать трудно, да
ноги съ каждой ступенькой подгибаются
все сильнѣе, становятся все тяжелѣе, но
молчать. А увидя, занутившись въ рясу,
и ноги, освобожденные отъ тяжести тѣла,
начинаютъ ныть такою щекоотливою болью,
что хохочешь сквозь слезы и плачешь
сквозь хохотъ. И поднимаешься не сразу:
не хватаетъ силъ, да и больно, какъ бы
не заняли еще сильнѣе, тогда закричишь.

Опунью находишь въ темнотѣ двери.
Входишь. Но даже послѣ долгой темноты
свѣтъ лампочекъ не рѣжетъ и не слѣпнотъ
глазъ, до того опь свудно льется сквозь
законченныя стекла и темные обои стѣлъ
жадно поглощаютъ его. Всюду полныи-
полно народу. И отсюда его столько взя-
лось? Сегодня, въ памятный день смерти
Спасителя, веселіе и шумъ неуиѣтны
и позорны, какъ кощунство, и потому опь
грустно безмолвствуетъ.

Снова мракъ, еще болѣе непрогляд-
ный послѣ недавняго полусвѣта, и тиши-
на, еще болѣе гнетущая послѣ недавнихъ
нѣсенонѣій, и снова ты куда то бредешь.
Но странное забвеніе находятъ на тебя — и
тебѣ уже кажется, что ты вовсе не іерей,
но ветхозавѣтный праведникъ и что нахо-
дишься не на землѣ, среди темныхъ и
узкихъ коридоровъ, но во мракѣ преис-
подней... Вонъ изъ мрака выступаютъ
свѣтловатыми силуэтами и прочіе ветхо-
завѣтные праведники. Если бы ты зналъ,
что ты не въ преисподней, а на землѣ,
ты бы навѣрно привилъ ихъ за прихо-
жанъ, только что видѣнныхъ тобою, такъ
сильно сближаетъ ихъ съ прихожанами
морщинистая печать вѣкового и безмолв-
наго страданія на мертвенно-блѣдныхъ и
некудальныхъ лицахъ.

Вотъ они чего-то ветренулись, вотъ
мѣняются то отъ изумленія, словно ни-
какъ не ожидали, что и съ нихъ, нако-
нецъ, снадутъ вѣковые, мучительные око-

дѣйствіемъ различныхъ силъ. Но человекъ не можетъ постичь причины, создавшей эти силы. Однако, не будучи въ состояніи постичь сущность міровой гармоніи, среди которой протекаетъ и его жизнь, человекъ видитъ и знаетъ, что каждому изъ наблюдаемыхъ имъ весьма многочисленныхъ и крайне разнообразныхъ явленій,—даже свое разумное начало, отъ котораго явленіе беретъ свое происхожденіе и къ которому оно имѣетъ тенденцію вновь возвратиться, будетъ ли это жизнь или движеніе какого-нибудь небеснаго тѣла. Я не хочу, конечно, сказать этимъ, что человекъ въ чужестранности и чужестранности вообще имѣютъ тенденцію вернуться къ первобытному состоянію своей жизни. Если земля, напр., обвиваясь вокругъ солнца предопредѣленный ей путь, возвращается опять къ началу, то это вѣдь не означаетъ, что пропавшія въ ней своей измѣненія должны безслѣдно исчезнуть, и она должна оставаться таковою, какою была раньше. Это только указываетъ, что она вернулась вновь къ своему прежнему положенію по отношенію къ солнцу, къ тому свѣтлому, которое для нея является источникомъ и средоточіемъ физической энергіи, какъ ученіе Христа является источникомъ и средоточіемъ Свѣта, которымъ движется жизнь христіанскаго міра, и изъ котораго этотъ міръ черпаетъ свою духовную энергію.

Если теперь въ мірѣ физическихъ явленій путь,— по которому движется, напр., земля вокругъ своего свѣтила, обуславливается взаимодействіемъ двухъ противоположныхъ началъ—силъ притяженія и отталкиванія,—то въ мірѣ духовныхъ явленій путь, по которому движется жизнь человечества вокругъ своего Свѣтила, обуславливается взаимодействіемъ—борьбой двухъ противоположныхъ началъ: добра и зла, духовнаго и матеріалистическаго; и если зло удаляется, то добро при-

ближается человекъ къ Свѣту.

Ковчево, явленіе въ физическомъ, неодухотворенномъ мірѣ а не въ мірѣ въ виду отождествлять съ явленіями въ мірѣ людей. Я привожу только приблизительную аналогію между явленіями того и другого міра, такъ какъ и тотъ и другой слѣдуютъ предначертаніямъ Божественнаго Промысла.

Поэтому, если земля, напр., обвиваясь вокругъ солнца то по математически правильному пути. Вѣдь въ человѣчѣ вѣчно происходитъ борьба между добромъ и зломъ, соотношеніе между этими двумя силами не есть какая-нибудь постоянная величина; наоборотъ, она можетъ часто измѣняться въ зависимости отъ того, творитъ ли человекъ, надѣленный волей, больше добра или зла.

Поэтому и путь движенія человечества не можетъ быть такимъ правильнымъ, какъ путь движенія земли, неодухотворенной и не имѣющей воли, въ которой ей дано за то разъ-на-всегда точно установленное соотношеніе различныхъ силъ, обуславливающихъ путь ея движенія. Въ борьбѣ между добромъ и зломъ человекъ не могъ бы своими собственными средствами найти тотъ истинный путь и средства: привычки справедливости, любви, милосердія, съ помощью которыхъ онъ можетъ теперь самъ въ своей борьбѣ найти такое соотношеніе, которое бы обусловило какъ настоящее направленіе его жизни, такъ и гармоничность въ ней. И если теперь человекъ, ставъ на путь къ истинному совершенству, уклоняется отъ него (пути) въ сторону, по той или другой причинѣ, то онъ имѣетъ всегда стремленіе вновь вернуться къ этому пути, претерпѣвая въ этихъ новосказанной раздѣлѣ долгие блужданія, сознавая, что уклоненіе отъ правильного пути приведетъ его къ гибели, подобно тому, какъ то или другое небесное тѣло, уклонившись почему либо

скихъ пилигримовъ (паломниковъ), которые основали городъ Плимуть. Въ 1628 году прѣехали пуритане, которые основали гор. Салемъ недалеко отъ пилигримовъ, а черезъ 2 года построили и гор. Бостонъ. Колонисты теперь уже не гибли ни отъ голода, ни отъ болѣзней; съ индѣйцами жили мирно и даже дружелюбно, такъ что войны съ ними колонистамъ не приходилось вести; землю и другую собственность дикарей они не захватывали, а покупали. Штатъ Массачусетъ сталъ быстро заселяться, и въ короткое время процвѣтаніе этой колоніи достигло такихъ размѣровъ, что она обратила на Америку вниманіе всей Европы. Въ колоніи стави быстро возникать города, школы.

Черезъ 16 лѣтъ послѣ прѣзда первыхъ пилигримовъ, въ 1636 году въ городѣ Кембриджъ (рядомъ съ Бостономъ) была основана высшая школа, современемъ Гарвардскій университетъ, считающійся и до настоящаго времени самымъ лучшимъ изъ университетовъ на всемъ континентѣ Америки, не только сѣверной, но и южной. Въ томъ же 1636 году былъ основанъ и штатъ Родъ-Айлендъ, а въ немъ гор. Провиденсъ; черезъ 2 года появились поселенія Нью-Портъ, Варвикъ, Портсмуть, теперь уже крупные города. Почти одновременно съ Родъ-Айлендомъ былъ основанъ и штатъ Коннектикутъ съ городами: Нью-Гевенъ, Випдзоръ, Гартфордъ и др. Въ Нью-Гевенъ, напр., находится Ельскій университетъ, считающійся также однимъ изъ лучшихъ просвѣдительныхъ учреждений въ Америкѣ. Послѣ этихъ трехъ штатовъ въ скоромъ времени были основаны и другіе. Словомъ, какъ говорится, города и села стали расти, подобно грибамъ. Во вновь образовавшихся колоніяхъ закинула жизнь, и явилось общественное благоустройство.

Велѣдъ за пилиграммами и другіе начали ѣхать изъ Европы и, замѣтвая отъ

паломниковъ бытъ, устройство и образъ жизни, стали учиться у нихъ устраивать и свои колоніи. Голландцы, напр. поселились въ томъ, гдѣ теперь гор. Нью-Йоркъ, называвшійся тогда Новымъ Амстердамомъ. Недалеко отъ нихъ поселились и Шведы въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь штатъ Делаверь (1638 годъ) и т. д.

Спустя 100 лѣтъ со дня прѣзда пилигримовъ, вся полоса теперешнихъ Соединенныхъ Штатовъ, расположенная къ востоку отъ рѣки Миссиссиппи и равняющаяся по пространству почти половине Европейской Россіи, покрывалась цѣлою сѣтью колоній, не только швейцарскихъ, но и французскихъ, испанскихъ, голландскихъ и др. Въ 1730 году во всѣхъ этихъ колоніяхъ числилась уже 750.000 жителей изъ Европы. Если принять во вниманіе, что населеніе Европы въ ту эпоху было въ 5-6 разъ меньше, чѣмъ теперь, а пути сообщенія съ Америкой были гораздо затруднительнѣе, чѣмъ въ настоящее время, когда, вмѣсто парусныхъ судовъ съ неслыми, существуютъ пароходы, тогда можно представить, какъ великъ былъ толчекъ къ колонизаціи, даваемый гореточкой, въ нѣсколько десятковъ человекъ, пилигримовъ. Кроме того, колонисты стали быстро заселять и теперешнюю Канаду.

Итакъ, исторія показываетъ, что послѣ цѣлаго ряда неудачъ въ теченіе болѣе, чѣмъ столѣтія, когда въ Европѣ стали терять всякую надежду колонизировать Сѣверную Америку, явились сюда люди религіознаго направленія и дали мощнѣй толчекъ къ колонизаціи. Мало того, эта гореточка людей дала толчекъ и дальнѣйшему развитію просвѣщенія, торговли и т. д. Штатъ Массачусетъ и до сихъ поръ является изъ всѣхъ штатовъ Америки наиболѣе развитымъ въ интеллектуальномъ отношеніи.

Это есть прогрессъ, обязательный людямъ, у которыхъ религіозно-нравствен-

ные принципы иванотен залогомъ блага общественнаго и собственнаго.

Потомство возникло изъ шимитивизма, и въ исторіи Свв. Американскихъ Соедин. Штатовъ ославилъ гор. Шимута является одной изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ.

Въ дальнѣйшемъ, въ виду наплыва крайне разнообразныхъ элементовъ, исторіи Свв. Америки направилась уже иначе. Такимъ образомъ, реформаціонное движеніе въ Англіи окончившееся тамъ полнѣйшимъ пораженіемъ католицизма, сыграло весьма крупную роль въ дѣлѣ колонизаціи и процвѣтаніи Америки.

Правда, можно привести много другихъ аналогичныхъ примѣровъ изъ жизни человѣчества; но, я думаю, и этотъ примѣръ изъ исторіи начальной колонизаціи Америки можетъ показать, что преобладаніе въ жизни однихъ только матеріалистическихъ принциповъ, хотя бы при наличности самыхъ лучшихъ пожеланій (если только послѣдніе бываютъ искренне—богоупамѣренны), является для человѣка и общества только разрушительнымъ началомъ тогда какъ религіозно нравственные принципы, наоборотъ, созидаютъ.

Послѣ вѣча.

(Изъ послѣднихъ переживаній унѣтекаго ксендза).

Хмурый вечеръ... За окнами надаветъ свѣтъ и превращается въ слюкотъ. Везде уже зажжены огни, только въ комнатѣ ксендза сумракъ.

—Такъ лучше: скорѣе покончу со своими воспоминаніями, найду выходъ изъ всего положенія!—рѣшилъ онъ, усаживаясь въ мягкое кресло, и отослалъ прислугу, пришедшую было—зажечь газъ.

А воспоминанія, словно снѣжинки, все летятъ, да летятъ, кружась въ дикой пляскѣ и терзая его. И только изрѣдка, когда сквозь немолчный городской гулъ, къ которому онъ до того привыкъ, что его уже не замѣчаетъ, вдругъ въ комнату дерзко врывается рѣзкій сигнализующій звонъ ближайшаго трамвая,—эти воспоминанія, словно стая пенуганыхъ птицъ, куда-то исчезаютъ, и тогда голова безъ

вѣхъ съ однимъ только мракомъ, исполняющимъ ее, кажется цѣлою вселенной—опять онъ, но уже маленькій, жалкій и безпомощный! И одинъ—одинъ...

Чувство панического ужаса охватываетъ его, и онъ ридетъ, когда воспоминанія обитъ съ оглядкой крадутся къ нему; онъ хоть и безыграденъ, но послѣ этого мрака съ ними все же какъ—будто легче и свѣтлѣе.

Снѣтъ надаветъ...

Какой позоръ! Его вожди, зорко наблюдавшіе за нимъ, снѣло бросившись въ бой съ ними и грудью отставившаго Украинну съ ушей, его вчера, на вѣчѣ овца объявили предателемъ и назначенъ русскихъ историческихъ началь—и отвергли.

До сихъ поръ онъ не можетъ вспомнить безъ содроганія эти несконженны злобой и презрѣніемъ лица, съ которыми онъ очутился вилотвую, когда подъ злорядный хохотъ—его свергнули съ вершины славы внизъ, и эти закорузлыя руки, которыя раньше такъ щедро сыпали деньги въ его бездонные карманы, а теперь гнулись къ нему, ловя его и конвульсивно сжимаясь...

Слава Богу, что выбрался оттуда только ослѣваннымъ...

Ну—и кто, какъ не онъ самъ, подготовлялъ свое собственное паденіе. Не онъ-ли, будучи втѣпеломъ, одѣлся въ священническую рясу для того только, чтобы сыто пожить и пользоваться церковной каеедрой для распространенія своихъ социалистическихъ идей объ Украинѣ безъ поща, папа и хлопа?!

Не онъ-ли всю жизнь слѣдовалъ правиламъ своихъ учителей—иезуитовъ, что цѣль оправдываетъ средства, не вѣрилъ въ убію, морщился отъ ея трупнаго запаха, а между тѣмъ ее всячески поддерживалъ, какъ вѣрное средство—воспрепятствовать слиянію галичанъ съ ненавидимыми ему москалями?!

Не онъ-ли постоянно натравливалъ галичанъ на москалей, а передъ вѣчемъ благословлялъ отъ святаго престола на убійства?

Но онъ-ли, величавый себя народо-любомъ, спускался къ народу только за тѣмъ, чтобы изъ его дырлявыхъ, грязныхъ кармановъ вытащить послѣднiе гроши. И вытаскивалъ снокойно, не обращая никакого вниманiя на слезныя просьбы вдовъ и сиротъ о пощадѣ...

Да только-ли изъ кармановъ? А изъ церковныхъ кассъ?

Но не виновата-ли во всемъ этомъ и природа? Вѣдь--онъ хоть получилъ отъ нея пять высшихъ чувствъ, но, сколько себя помнить, не всѣми ими воспринималъ впечатлѣнiя высшаго мiра... Оттого изъ этихъ впечатлѣнiй и выработались предетавленiя и понятiя одностороннiя, и дальше Украины съ ушей онъ не пошелъ, не могъ пойти.

А одностороннее развитiе, да еще безъ устоевъ вѣры, не замедлило плачебно сказаться и на его морали; она стала похожей на мораль отщепенцевъ общества, какою то большой и преступной.

Нѣтъ--онъ не виноватъ.

Давно уже гдѣ--то рокоталъ громъ и надвигались не то тучи, не то валы взволнованнаго, выходящаго изъ береговъ океана.

И слышались крики москалей:--Вы--слѣпые--прозрите! И глухiе услышите! То океаномъ разливается святое православіе, и грохочутъ, разрушаясь алтари вашего Ваала. Вначалѣ гулъ, а стало--быть, и онаеость казалась ему далекими и потому онъ, какъ молодой несеъ лишь задорно лаялъ по православіе.

Но гулъ быстро росъ и уже переруганннмъ, недоумѣвающимъ свѣшать къ нему и тѣсниться вокругъ него его овцы. Вотъ робко сараниваютъ его, покорно внимаютъ ему, а онъ нетерпѣливо и грубо обрываетъ ихъ и, весь растерянный, бросается впередъ--пытается создать преграду православію или отвести въ сторону своихъ овецъ, чтобы и ихъ оно не захватило и не увлекло.

Но какъ онъ ни напрягалъ свои силы и что ни дѣлалъ, терил голову, получалось совсѣмъ не то совсѣмъ обратное тому, чего онъ хотѣлъ, къ чему страстно стремился.

Да, были и ему даны знаменiя времени, но онъ ихъ не понималъ.

А теперь поздно!

Православіе свесло все преграды, увлекло и его овецъ, а бушующимъ океаномъ подступаетъ къ нему.

Только бы самому спастись! мучительно озирается онъ и, какъ на островъ спасенiя, карабкается на своего епископа, тоже растеряннаго; между ними начинается борьба--и оба надiютъ, вызывая хохотъ.

Всталъ онъ, оглянулся, а православіе еще ближе, но уже въ видѣ удава, со стоящаго изъ москалей и лицо у нихъ все знакомыя, лицо его прихожанъ, и плотнымъ холодомъ они окружаютъ его, собираются его задушить...

Ноужели смерть?

На лбу выступилъ холодный потъ.

За стѣной вдругъ заплакала скрипка и сочувственно, тихимъ печальнымъ аккордомъ ей отозвался рояль...

И опять, какъ и прежде, мысли разбѣжались, остался только одинъ ужасъ, но теперь вмѣсто тьмы выступилъ свѣтый, плачущій вечеръ. А ему почудилось, что это вовсе не вечеръ; нѣтъ,--это началась его новая жизнь, подобно вечеру, зыбкн и хмурил, и ей уже не будетъ конца.

Вдругъ онъ встрепенулся и хлопнулъ себя по лбу.

И то идея; послѣдую недавнему совѣту своихъ прихожанъ, въ послѣднiй мигъ объявлю и себя москалемъ и спасусь. А пока буду жить, какъ жилъ.

И сразу на душѣ у него стало совсѣмъ легко и свѣтло.

Спис. О. Букетовъ.

За редактора

Свящ. А. Немоловскій.